

И.А. Кацапова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ: ВЕКТОР ПЕРЕСЕЧЕНИЯ (ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматриваются столь актуальные для современности проблемы – международных отношений, правоотношений на уровне международного права, проблема универсальных ценностей. Автор анализирует концепцию глобального сообщества через призму универсальных ценностей и прав человека. Обосновывает проблему кризиса политико-правовой деятельности, включающей в себя правовую и законодательную политику государства через систему соотношения принципа верховенства права и законодательства. Автором статьи предлагается актуализировать философско-правовую проблематику, в том числе тему т.н. национальной идеи – в новой её версии: право на достойное человеческое существование. В статье главным методологическим принципом исследования является соотношение юридического и философского подходов к проблемам права и правовой реальности, также используется и исторический метод. В статье рассматриваются современные цивилизационные процессы через призму философско-правовой проблематики, что, бесспорно, является не только актуальной, но и вполне новой, недостаточно разработанной темой. Современная практика международного развития свидетельствует о необходимости возрождения столь актуального раздела знаний – философии права, как альтернативы сформировавшемуся в юридической науке технологическому подходу в правотворчестве и правоприменении.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, международное право, права человека, нации, народ, национальная идея, политический кризис, право, человек.

Review. This article is devoted to very important contemporary problems, i.e. international relations, legal relations at the level of international law and universal values. The author analyzes the concept of the global community from the point of view of universal values and human rights. She also proves that nowadays we are experiencing the crisis of the political and legal sphere including the crisis of legal and legislative state policies through the shaken balance between the supremacy of law and legislation. The author of the article suggests that we should return to philosophical and legal problems including the so-called national idea and view these problems in a different light as the human right to a decent existence. The main methodological principle used by the author of the research is the combination of legal and philosophical approaches to the problems of law and legal reality as well as the historical method. The author of the article views modern civilizational processes from the point of view of philosophy and legal studies which is apparently not only a topical issue but also a rather new and understudied topic. Modern practices of international development demonstrate the need for us to return to a very important branch of knowledge, philosophy of law, as an alternative to the technical approach to the law making and law enforcement processes established by today's legal science.

Key words: human rights, political crisis, right, globalization, national idea, the people, nation, international law, international relations, human.

Современные процессы, охватившие практически все мировое сообщество, поставили перед человечеством проблему поиска новых форм цивилизационного развития. Оказалось, что в век глобализации и исторически сложившейся системы международных отношений, именно общемировое пространство подверглось сегодня серьезному

испытанию, когда вполне привычные и приемлемые для человечества формы международных связей и отношений вдруг стали неприемлемы. Современные цивилизационные процессы, бесспорно, обусловлены множеством факторов: в большей мере политическими, экономическими и т.п., но к ним вполне уместно отнести и теоретико-смысловые.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00535 а).

Совершенно очевидно, что современные геополитические или общемировые процессы сделали актуальной проблему *переоценки* универсальных смыслов и ценностей. Сегодня, например, в мировом сообществе не всегда *безоговорочно* принимаются сформулированные человечеством и апробированные в процессе исторической эволюции универсальные смыслы и ценности. И современный человек столкнулся с реальностью, что не всегда может быть уверен в том, что *завтра* наступит, что основополагающее конституционное право человечества – право на жизнь – не является сегодня таким уж самоочевидным фактом. В век глобальных процессов: гуманитарного и технического прогресса, нанотехнологий и т.п., целые государства, народы, этносы сегодня могут оказаться ни перед дилеммой: что-либо изменить к лучшему или хотя бы сохранить то, что есть, а вынуждены будут в мировом пространстве – сосуществования и солидарности – страдать от осознания своей незащищенности и беспомощности.

В условиях современного политического кризиса между государствами обострились противоречия в сфере международных отношений, а, по сути, в сфере международного права. Кризис затронул международные отношения, которые, преодолевая рамки национальной замкнутости, выстраивались на основе таких понятий как универсальность и мировое господство. Наметившийся кризис поставил под угрозу уничтожения вполне привычные для современного человека понятия, такие как взаимосвязи народов, солидарность, объединяющая человечество в единое политическое и культурное пространство. Под сомнение ставится сегодня не только важность международных отношений во всех областях жизни, но и необходимость международного сотрудничества, выражающаяся в заботе о сосуществовании наций, народностей, этносов.

Несомненно, можно назвать множество причин, создавших кризис международных отношений, которые, разумеется, будут исследованы специалистами в разных областях знаний. Однако на одну из причин следует указать – это кризис политико-правовой деятельности. Получилось так, что в авангарде всех современных процессов стоит политика, и, соответственно, *политикам* предоставлено решать практически все проблемы социального развития, в том числе и на мировом уровне. Политика сегодня, как писал французский философ П. Рикёр, «находит свою кульминацию в вопросах о *легитимности* порядка, при помощи которого государство препятствует насилию, пусть даже ценой другого насилия, из которого вышла сама политическая власть и стигматы которого она непрерывно несёт» [1,

с. 10]. Никто, разумеется, не стремится оспаривать необходимость такой формы деятельности. Однако, следует обратить внимание на то, что в процессе самой этой деятельности, независимо от того, кто формирует *проекты* сотрудничества и сосуществования между народных интересов, важно не забывать и учитывать, прежде всего, те проблемы, которые *непосредственно* возникают в процессе самой исторической жизни народов.

Рикёр, например, размышляя о присутствии зла в мире, актуализировал такую, по его мнению, злободневную тему как философское обоснование права и правосудия. В частности, он настаивал на необходимости противопоставления политической философии – философии права. Сопоставляя, то, что относится к политической философии, с тем, что представлено в философии права, философ утверждал, что в политической философии «вопрос о праве затемнен неотступной мыслью о неотвратимом присутствии зла в истории» и, соответственно, «животрепещущей темой политической философии является война». В то время как в философии права, или как её называет Рикёр – философии о праве, право может быть «признано в своей ненасильственной специфичности». И в таком случае, фундаментальной темой философии права философ предлагает считать тему – мира [1, с. 12]. По мнению французского философа, пренебрежение анализом юридической проблематики и «маскировка» её под обобщенные этико-политические термины в философии наносят ущерб обеим дисциплинам: как философии, так и юриспруденции. И с этим нельзя не согласиться.

В настоящее время в европейской литературе, надо заметить, как раз много внимания уделяется не только темам трансформации теории о праве, но и философско-правовой проблематике. Актуальными стали, например, такие темы как – «место индивида внутри правовой системы как таковой», «свобода и закон» (Б. Леони); тема «мораль права» (Л. Фуллер); «право – на его универсальном уровне – прав человека его свободы» (Ф. Хайек); «проблема нормативности общей теории права» (Р. Дворкин); «проблема этико-юридического дискурса», «проблема аргументации и интерпретации в юриспруденции» (П. Рикёр) и мн. др.

Важно отметить и то, что в концепции Рикёра не только обозначено поле философского обоснования права и правосудия, но и предложена столь актуальная для философии (и не только для неё) тема *рационального дискурса*. Сегодня, когда под угрозой оказались не только глобальные политико-экономические, но и духовные процессы, дискурс практически становится неотъемлемой частью любого

рационального сотрудничества. И уж тем более, когда разного рода формальные языки и системы коммуникативных кодов утрачивают в значительной мере свою объединяющую роль на уровне международных и межкультурных форм общения. А наиболее привычные и значимые принципы, стереотипы и ценностные ориентации реализуются в так называемых «импровизациях действующих лиц». Как следствие, на повестку дня выходят новые формы – двойных стандартов, двойных смыслов.

Понятно, что проблема здесь гораздо сложнее и задействована она, скорее, на проблеме межкультурной коммуникации, при которой важным фактором межличностного обмена информацией является целый набор кодов или языков: от естественных языков до языков жеста, образа и т.п. В повседневной жизни язык, которым пользуется человек, устанавливает определённый порядок, который в свою очередь человек принимает как неперемное условие. Однако, не следует игнорировать и то, что реальность повседневной жизни не исчерпывается этим порядком, потому что представляет собой (интер)субъективный мир, который человек разделяет с другими людьми, существуя в постоянном взаимодействии и общении с ними.

Так, исследуя проблему языка, французский философ ввел в теорию и практику дискурса новое поле коммуникации, где рассматривается проблема *институционального опосредования*. Согласно Рикёру, институциональное опосредование располагается на уровне социальных отношений, при которых происходит «признание другого как равного мне», но «уже в терминах прав и обязанностей» [1, с. 15]. В данном случае, практика речевого дискурса предполагает не просто говорение, но институтируется *идентичностью* самого говорящего, способного не только говорить, но и нести полную *ответственность* за то, о чем он говорит. Отношения, на которых акцентирует внимание философ, представляют собой институциональные, или формальные отношения, формирующиеся не на уровне эмоциональной оценки жизненных ситуаций или самого общения, а уже на уровне взаимоотношения между субъектами права, обусловленных принципом: каждому свое право. Отношения такого рода имеют статус правила, оформленного юристами ещё в Древнем Риме, стилистика которых выстраивается по *правилу справедливости*, как обозначил его Рикёр. В этой ситуации социальный статус дискурса институтируется идентичностью самого говорящего, который не просто ведет беседу, но несет полную ответственность за то, о чем говорит.

Обозначенные Рикёром условия практики дискурса, имеют «существенное значение не столько

для формирования представлений об условиях межличностных отношений в рамках дискурса, сколько для установления онтологического статуса институциональных отношений и обоснования (интер)субъективного характера ответственности» [2, с. 339]. Важным критерием, на котором акцентирует внимание философ, сводится к тому, что «тот, кто способен обозначить самого себя в качестве автора своих высказываний», совершенно определённо сможет со всей ответственностью ответить и на вопрос – *кто говорит?* [1, с. 31], а, следовательно, и «*обозначить себя в качестве автора своих поступков*». Получается, что институциональный дискурс определяется не столько актом говорения, сколько конкретными коммуникативными ситуациями, в которых ролевая структура общения приобретает *статусное* значение, предлагая участникам фиксированную схему коммуникативных ролей, мотивируемых главным социальным принципом – принципом равного права для всех участников не зависимо от социального статуса каждого.

I

Сегодня о политическом кризисе говорят многие, но не многие знают о том, что профессиональный дискурс между специалистами в области юриспруденции и философии вокруг правовых проблем имеет исторические корни. Дискурсы такого рода проходили как в Германии, так и в России. Например, в отечественной политико-правовой мысли особого внимания заслуживает, состоявшаяся на исходе XIX столетия, полемика между философом В.С. Соловьёвым и юристом Б.Н. Чичериным. Характер этой дискуссии в истории русской мысли оценивается как грандиозное событие интеллектуальной жизни, как самый масштабный и интересный из всех философско-правовых споров. Но к этому следует добавить, что и сегодня проблематика этой полемики вызывает теоретический интерес и, самое главное, представляется актуальной для научной мысли.

Состоявшаяся полемика имела не только историческое значение, но во многом предопределила круг творческого восприятия философско-правовых проблем. В частности, В. Соловьёв, предложивший доктрину «оправдание добра», и выступивший в защиту права против правового нигилизма писателя Л.Н. Толстого, практически предопределил этическую направленность в философской и юридической мысли России конца XIX – начала XX столетия. И что важно – именно влияние его идей обусловило эволюцию взглядов теоретиков права в направлении и истолковании естественно-правовой идеи в духе традиционных христианских ценностей. По сути, именно философско-правовая

концепция В. Соловьёва вывела полемику за узкие рамки спора с Чичериным по поводу профессиональной или не профессиональной компетенции В. Соловьёва, а стала основанием активной полемики большей части профессионалов юристов, философов, социальных философов вокруг философско-правовых проблем. В неё активно включились как сторонники т.н. позитивистского направления в юридической науке: Г. Шершеневич, Н. Коркунов, С. Муромцев, М. Ковалевский, так и теоретики т.н. московской школы естественного права во главе с П. Новгородцевым (Е. Трубецкой, Н. Алексеев, И. Ильин, А. Яценко, Б. Вышеславцев), которые не только приняли активное участие в дискуссиях, но параллельно развивали в своих работах теорию возрождённого естественного права.

В обширной юридической и философской литературе, надо заметить, в большей мере освещается содержательный аспект дискуссии, в основном обсуждаются и анализируются философско-правовые концепции В. Соловьёва и Б. Чичерина на проблему соотношения в них права и нравственности, границ индивидуальной свободы и равенства. Остается, однако, без должного внимания не менее важная проблема – проблема мировоззренческой и методологической несовместимости их позиций [3, с. 40-52]. Суть проблемы состоит в том, что для Чичерина, как юриста, например, важно было выяснить динамику, как право, формируя порядок, становится законом, тогда как для философа В. Соловьёва важно было проследить диалектику взаимоотношения личности и общества, а также формирования правосознания личности, её гражданской позиции. В этом дискурсе, по сути, столкнулись две методологии: с одной стороны, методология философии «как строгой науки», опирающейся на логику как основание метафизики духа и бытия; и, с другой, *метод неклассической философии*, основанный на *религиозно-экзистенциальном* стиле мышления. И, как ни парадоксально, но именно Чичерин, будучи государственным и позитивистом в вопросах правоправедения, в итоге многолетней дискуссии с философом В. Соловьёвым стал, как обозначено в политико-правовой литературе – *философом права*. Хотя, справедливости ради, следует подчеркнуть, что его книга «Философия права» (1900), ставшая, по сути, основанием для такой характеристики, представляет собой итог их полемики, в которой Чичерин, оппозиционируя В. Соловьёву, практически выступил в защиту профессионализма и, соответственно, догматизма в оценке права и правовой реальности. Борис Николаевич всегда верен был только своим профессиональным принципам – принципам юриста.

Современное значение отечественной школы в области юридической науки и философии права определил президент Европейской академии теории права профессор М. ван Хук, который считает, что «современная теория права возникла в России, а именно в Санкт-Петербурге, в конце XIX – начале XX в.»: озаменовано это было «выходом в свет книг Н.М. Коркунова «Курс общей теории права» (СПб., 1887), Л.И. Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (СПб., 1907) и впоследствии книги Г.Ф. Шершеневича «Общая теория права» (в 4 т. М., 1910-1912)» [4, с. 7]. Справедливо. Но только к этому суждению необходимо добавить, что не только петербургская, но и московская школа «возрожденного естественного права» во главе с П.И. Новгородцевым внесла существенный вклад в теоретическое наследие этих областей знания. К тому же, профессор права Хук, ориентируясь в большей степени на современные тенденции общественного развития, считает, что его теория – *право как коммуникация* – на самом деле «в некоторых аспектах оказывается ближе к русской правовой традиции, чем к западноевропейской культуре нескольких последних столетий». В то же время, по мнению Хука, в контексте глобализации такой подход может «способствовать построению мостов между русской и западноевропейской правовыми культурами» [4, с. 7].

В принципе, рассуждения теоретика права Хука весьма справедливы в том плане, что многие отечественные философско-правовые концепции не только существенно опередили время, но многие из них сегодня реально могут обогатить любую современную теорию права. К их числу относится, например, разработанная юристом и социальным философом П. Новгородцевым теория нормативности, о которой в современной литературе рассуждает англо-американский юрист и правовед Р. Дворкин. Новгородцев, в отличие от Дворкина, ориентирующегося на проблему *дополнения* концептуального подхода в теории права – нормативным, разработал полную версию теории нормативности. В учении Новгородцева нормативный принцип права проходит три стадии развития. Надо подчеркнуть, что философско-правовая нормативность, которую предложил Новгородцев, даёт возможность выразить правовую норму не только как модель общественных отношений и поведения людей, но также позволяет выяснить *императивно-атрибутивную* сущность правоотношений, которые отражаются не только в моральном сознании индивида, но даже более – в его правосознании. В этом направлении работал юрист и социолог Л.И. Петражицкий, создавший психологическую теорию права (в XIX в.).

Согласно Новгородцеву, областью положительного права, на что, собственно, ориентируется Дворкин, применение нормативного принципа не должно ограничиваться. Формальный анализ права рассматривает право лишь в качестве «порядка», регулирующего правоотношения лиц в обществе, защищая её интересы от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий. В данном контексте социальный статус права задействован лишь на выражение индивидуального интереса, «обеспечивающего только каждому свое» – как чье-то право. В то время как социальная роль права, по мнению правоведа, гораздо шире, потому что право представляет собой ещё «норму и принцип личности» [5, с. 279]. Мыслитель, рассматривая право в таком ракурсе, признавал право в качестве *творческой самоорганизации личности*. Такой подход позволяет человеку – через культуру его правосознания – признать право не только в качестве необходимой социальной нормы, но и *важной социальной ценности*.

Существенным моментом нормативной концепции правоведа Новгородцева является ещё и то, что в познании социальной роли права он предлагал проводить не узкопрофессиональное (цеховое), а комплексное исследование, сочетающее философский, исторический, социологический и догматический методы. По сути, мыслитель уже в XIX в. настаивал на *междисциплинарном* характере исследования как права, так и правовой реальности. Важным моментом здесь является то, что он стремился показать относительную самостоятельность различных сфер социальной жизни, таких как государство, его институты – право, и в то же время их детерминированность определёнными нравственными принципами личности. В своей антропологической теории права Новгородцев ориентировался, прежде всего, на то, что только человек по своей природе (интеллектуальной, волевой) потенциально способен путём своего самосовершенствования и развития опосредованно влиять на совершенствование политических и правовых форм организации социальной жизни.

Многие его идеи воплотились в творчестве его ученика правоведа и философа И.А. Ильина, в частности, в его концепции *о сущности правосознания* – особого внимания заслуживают его *аксиомы правосознания*. основополагающим в знании о праве Ильин считал, например, то, что знание о праве и осознание права – это не одно и то же: «сознавать право – не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций», поэтому человек, знающий законы, существенно отличается от человека, осознанно следующего правилам общежития. Право

обоснованно испытывается волею как *объективно значащее* установление, как предмет, смысл которого «постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а мыслью». Для того чтобы «иметь зрелое правосознание, необходимо выносить в душе особый опыт» [6, с. 330], который неминуемо порождает убеждение в действительной, объективно сложившейся природе права. По мнению философа и правоведа Ильина, необходимо, чтобы *каждый «усмотрел с силой очевидности объективное значение права»* [6, с. 331]. Только в таком случае, человеку будет понятно, что за внешней формой правовых норм стоит *не формальная, а совершенно конкретная* человеческая воля, убеждение самого человека, его культура поведения.

К теоретическому наследию отечественной школы философии права можно отнести и концепции о проблеме соотношения права и нравственности в общественной жизни – Б. Чичерина, В. Соловьёва, П. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, Л. Петражицкого и мн. др. [7, с. 1797-1811]. Данная тема, по сути, была центральной в философско-правовых дискурсах сер. XIX – нач. XX в., и к тому же она в полной мере позволяла понять целесообразность исследования правовой и социальной нормативности. Взаимообуславливающая социальная связь права и нравственности вполне очевидна. В социальном плане, она позволяет выразить то, что право может быть адресовано не только юридическому субъекту, но и *свободной* воле участников общественных отношений. Конечно, соотношение такого рода имеет смысл лишь там, где у адресата нормы существует выбор вариантов поведения [8, с. 61-62], когда человек в полной мере понимает, какой поступок является преступлением, а какой – правомерным, соразмерным добродетели. По сути, это – то самое знание, о котором мыслили эллины Древней Греции, в частности, Сократ. И, в первую очередь, важно здесь то, что именно это знание помогает человеку осознавать свою гражданскую позицию или социальную обусловленность.

Основная идея, на которую ориентировался отечественный правовед Новгородцев, состоит в том, что нормативность, при которой рассматриваются как права, так и обязанности человека, размещается не только в юридическом поле, но и в социальном, где человек вступает в коммуникативные связи и отношения. В таком случае, совершенно очевидно, что нормативность права может быть задействована не только в рамках юридических отношений, которые в большей мере соответствуют право-отношениям в ситуации конфликта сторон, или соблюдения обязательств в договорах. На уровне юридических отношений «человек – го-

сударство», юридическое содержание права прежде всего соответствует понятию «закон», определяющего в большей степени субъектов права на уровне их юридического статуса, на уровне условий вступления в правоотношения, на уровне прав, обязанностей, запретов, юридических фактов. В принципе, юридические правоотношения определяют «виды правоотношений, составы правонарушений, процессуальный порядок решения споров и рассмотрения дел о правонарушениях, назначения и применения санкций» [8, с. 24]. *Социальное* содержание права с профессиональных позиций юридического знания и мировоззрения «состоит в определении правовой структуры общества, привилегий или повинностей различных сословий либо в утверждении всеобщего равенства перед законом, в закреплении разных форм собственности, в охране и регулировании семейных, хозяйственных, корпоративных, коммерческих, производственных, религиозных, политических и других общественных отношений» [8, с. 24].

Понятно, что *юридическое* (позитивное) содержание права существует во все времена, в то время как *социальное* содержание права меняется как во времени, так и с учётом развития самого общества, его культуры. В то же время, безусловно, и то, что общественные отношения не могут и не сводятся только к юридическим отношениям. В развитии общественных отношений создаются условия, предусмотренные нормативностью самих этих отношений, когда между участниками возникают конкретные права и обязанности, образующие в совокупности *социальный тип право-отношений*. В общем виде такие отношения определяют возможное поведение одной стороны отношений и её юридическую обязанность в отношении каких-либо действий или воздержания от действий другой стороны этого отношения. Иначе, формальный смысл подобного рода отношений строится не только на уровне защиты интересов личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий других, что, собственно, подразумевает понятие «закон», а прежде всего *от недозволенных действий самих участников отношений*. Обоснование правовой реальности, в данном случае, ориентируется на *нормативный* характер права и правоотношений, рассчитанных на регулирование поведения людей посредством отношений, при которых связь участников состоит во взаимных правах и обязанностях. Право выступает здесь в качестве социальной нормы, определяющей *равноправные условия отношений*: равное право на свободу, волеизъявление, достоинство и т.п. каждого субъекта отношений независимо от его социального статуса.

На самом деле, это те самые институциональные отношения, исследованию которых французский философ Рикёр придал особое значение. На социальном уровне отношений между людьми в общественных институтах юридическое поле ограничено только социальными связями и отношениями, которые хотя и носят по большей мере формальный характер, но *непосредственно юридическими не являются*. Институциональные отношения выстраиваются в соответствии с законодательной политикой, базирующейся на нормах административного и трудового законодательства, той организации, сотрудником которой человек непосредственно является. В отношениях же с коллегами он регламентирует свои действия в соответствии с т.н. этическими принципами, принятыми в коллективе. В системе отношений такого рода задействованы две нормативные формы – право и мораль – соответственно, в данном случае речь не может идти только о юридической, или только о моральной нормативности. В данной – «пограничной ситуации», как обозначил эту форму отношений Рикёр, – происходит обуславливающая связь социальной нормативности. Социальная форма межличностной коммуникации происходит не просто через понятие «каждому свое право», а через понятие «я-сам как другой», когда человек, перерастая границы самости, становится полноценной личностью, уважающей не только себя, как это происходит с сомоуважением морально-совершенствующейся личности, но и другого как того, кто также имеет право и на свободу, и на равенство, и на уважение.

Для того чтобы выявить, определённую Рикёром разницу между юридической и институциональной нормативностью, необходимо обратить внимание на разновидность самих императивов. В общественной жизни в разнообразных ситуациях один и тот же человек может по-разному выражать свои желания по отношению к другому человеку – это могут быть повеления, указания, приказы, иначе, сознательное самовыражение желаний о намерениях человека. И это выражается в специальной языковой форме, называемой – *повелительное наклонение*: «Иди сюда!», «Стой!», «Не убий!»... Императивы, которым соответствует повелительное наклонение, есть выражение желаний в отношении другого человека. В то время как императивы в изъявительном наклонении, соответствуют простым ситуациям, когда человеку важно выразить свои намерения через простое сообщение, информацию, например, о себе или о каком-либо событии. В философских дискуссиях по поводу разновидности императивов, как подчеркивает тео-

ретик права Г.Л.А. Харт, обсуждаются в основном «отношения между императивом и индикативным или описательным языком и возможности свести первый к последнему» [9, с. 26, 241].

Между тем, важным аспектом любого императива является то, что по логической структуре они родственны, касается ли это правовой нормы или нормы морали, в любом случае, запрет действует всегда, безотносительно к конкретной ситуации. И в общем плане правовые запреты соразмерны моральным. Поэтому право, или т.н. *запретительная норма*, определяет не условия его действия, а составы правонарушений и санкций за их совершение. С помощью такого рода норм – запретительных, осуществляется *не урегулирование* общественных отношений, а, скорее, *предупреждение* и *пресечение* антиобщественных деяний и охрана правопорядка, контролируемых государством и его институтами. При этом важно подчеркнуть, что сам *запрет* действует *вне правоотношений*, главное здесь то, что из него проистекает *не обязанность*, а «*запрещённость*». Иначе говоря, правоотношения в юридическом поле создаются совсем по другим критериям и принципам, нежели те самые институциональные, на которых акцентирует внимание Рикёр.

II

Понятно, что любое стремление постичь, хотя бы частично, феномен права и правореальности, неизбежно сталкивается с выбором определённой как временной, так и культурно обусловленной перспективы, с выбором таких характеристик права, которые наиболее существенно отражали бы конкретный исторический период. Поэтому современное изменение политической и правовой реальности, конечно, предполагает и изменения в подходах к современным теориям права. Вряд ли можно сегодня назвать теорию *государства и права* – исключительной, в силу того, что, с одной стороны, на международном уровне возникло множество международных институтов, наделенных властью самостоятельно принимать решения. К таким организациям можно отнести Европейский Союз, принявший на себя часть правовой компетенции государств – участников Союза. С другой стороны, для сознания современного человека, например, понятие «жестко централизованное государство» не является таким уж универсальным, каким оно являлось для человека XVIII или XIX в. В ряде государств, например, все больше политической власти передаётся в децентрализованные региональные институты. Соответственно, сегодня вернее будет ориентироваться на то, что сама концепция – государство и право – должна

адаптироваться к новой реальности. В результате современных процессов, как, например, считает М. ван Хук, новая позиция, как в теоретическом знании, так и в исследовании права может оказать «влияние на правовую реальность, особенно на акцентирование социального характера и значимости негосударственного права», а также сформировать «более гибкое отношение к представлениям о правовом плюрализме», сформулировав «более широкое, не ориентированное на государство понятие права» [4, с. 28].

В современных условиях трансформации общественных и общемировых отношений – тема права и правореальности является своевременной. Особого внимания заслуживает, например, тема – соотношения права и закона. Анализируя современные формы законодательной политики, важно обратить внимание на то, что они создают определённые риски для человека, личная свобода которого не совместима с нынешней законодательной системой. Парадоксом нашего времени является то, что современное законодательство, «пределы» которого безграничны (даже для юристов) практически препятствует реализации принципа – верховенства права. Возможно ли вообще, спрашивает итальянский юрист Б. Леони, в условиях, когда «законодательство является центром правовой системы, а правовая система практически отождествляется с законодательством» [10, с. 25] – личная инициатива или право принятия решений. И как быть простому человеку, который не только не знает содержания большей части законодательных актов, но более того, о существовании многих вообще не догадывается. Следуя, основополагающему принципу юриспруденции: *не знание законов не освобождает от ответственности*, можно представить себе и, вполне определённо, какому большому риску подвергает себя человек – переступивший по неведению, или по неосторожности нормы «закона».

Серьёзной проблемой сегодня в науке о праве, как и сфер её практикой деятельности, становится проблема права – в качестве главного защитника личной свободы. Последствия такого расклада сил вполне очевидны, и касаются они уже не просто темы права, а темы *универсальных прав личности* и её свободы. Сегодня, для официальной концепции права, неприемлемой становится, как считает, например, англо-американский правовед и юрист Р. Дворкин, сама «идея прав, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству и которые имеют преимущество перед правами, четко определёнными в законодательстве» [11, с. 10].

Вполне реально. В первую очередь это касается темы международного права в области прав

человека, представляющее собой совокупность принципов и норм, регулирующих *международную* защиту прав и основных свобод индивидов. Вполне признанным является, например, то, что любой юрист или обыватель называет «международное право» – правом. Хотя, в позитивной науке этот статус «права» за ним отрицался, да и сейчас отрицается многими теоретиками права. В принципе, так сложилось исторически. Можно вспомнить горячие дискуссии по поводу соотношения понятий «право» и «закон» и статуса понятия «естественное право» в период XIX в., когда позитивной наукой о праве вообще предлагалось отказаться от естественного права (в частности, юристом Шершеневичем). По сути, касается это проблемы соотношения таких понятий как «закон как правовое явление» и «правовая сущность закона» (Гегель). Многие формы неофициального права, того права, которое не создано или не признано государством, в юридической (позитивной) науке в обычном (юридическом или неюридическом) употреблении «правом» не считаются. Но сегодня, в период становления новых форм знания и смыслов, все больше теоретиков стремятся признать их реально существующим «правом». В этой связи интересно рассуждение теоретика права Хука, который, в частности, считает, что «если каждый называет «международное право» правом, то и теоретическое определение права должно включить в себя такое явление». Задача любой теории состоит в том, что она, в первую очередь, должна быть адаптирована к реальности, в таком случае, и «теоретическое определение права должно так структурировать наше общее правопонимание, чтобы оно соответствовало практике и создавало рамки для четкого, когерентного и рационального образа права» [4, с. 28].

Столь же очевидной современной проблемой в юриспруденции, как считает, например, теоретик права Ф.А. Хайек, является и то, что лидерство от профессионалов частного права перешло к специалистам в области публичного права. Вследствие чего, современные юристы, «в качестве инструмента общего, не ими созданного замысла, превратились в орудие не *принципов справедливости*, а аппарата, в котором индивидуум вынужден служить целям своих правителей» [12, с. 85] (курсив мой – И.К.). Современная юриспруденция «всецело находится под влиянием людей, главной заботой которых является публичное право, или правила организации правительства» [12, с. 85], а не системы правил личного поведения, которая преобразуется в систему правил (функционирования) организации.

III

Парадоксы времени. Исторически человечество шаг за шагом – от желания сделать общественную жизнь «благом» до желания защитить самого человека – «его права» – формировало то общее поле защиты, то самое международное право, которое практически синтезировало в себе наиболее важные элементы основных правовых систем. Созданная в Римскую эпоху система правоотношений покорила не только мир, но и время – до сих пор значение римского права определяет его рецепция во всем мире. Рассматривая эволюцию римского права, следует отметить, что оно формировалось с учётом тех социально-политических запросов, которые требовали существенных перемен не только в экономических связях, но и в общественных отношениях. Однако, перестраиваясь, римское право прежде всего ориентировалось на начала *индивидуализма*: свободу личности, свободу собственности, свободу договоров и завещаний. Фундаментальность же римского права определяется тем, что оно, преодолев национальную замкнутость, создало единую централизованную систему – право народов – *ius gentium*, синтезировав в нем правовые достижения других государств, сформировав, таким образом, существенные и общие элементы, составившие основу всякого права. Право народов стало универсальным правом, и как право всемирное оно было свободно от всяких местных и национальных особенностей. Международным отношениям оно придавало юридическую ясность и прочность, и практически удовлетворяло как римлян, так и греков, египтян и галлов.

Основная идея *современной* концепции глобального сообщества определяется системой международных отношений, которые также базируются на международном праве, представляющем собой совокупность право-отношений с элементами нормативных актов, регулирующих эти отношения. По существу, современные международные отношения между государствами можно соотносить с самим понятием европейского или международного права, потому что главными действующими субъектами международных отношений являются международные организации (межправительственные (ВТО), надгосударственные (Европейский союз), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский суд по правам человека в Страсбурге, негосударственные (Международный олимпийский комитет), и мн. др.), сориентированные в первую очередь не на национальные, а на универсальные нормы и принципы взаимоотношений. Понятно, организации такого типа создают общие правила и законы,

которые существенно отличаются от конкретных национальных правовых систем. Главное, в этой системе отношений то, что практика обеспечения правовых гарантий различна и в целом зависит как от геополитических условий разных стран, так и от исторического времени.

Основным направлением европейского права является международное право в области прав человека. Рассматривая эволюцию международного права в области прав человека, следует отметить, что, если сегодня можно говорить о *международной* защите прав и свобод *конкретного* человека, то, например, в исторический период сер. XIX – нач. XX вв. проблема наличия международных юридических прав для *отдельного* (конкретного) человека вообще не обсуждалась. Такие права могли отстаиваться только в тяжбе с государством, потому что право рассматривалось только как «норма, установленная государственной властью и обеспеченная её принуждением» [13, с. 6]. В начале двадцатого века в трактате Л. Оппенгейма о международном праве утверждалось, например, что «так называемые права человека» не могут пользоваться защитой международного права, потому что это право занимается исключительно отношениями между государствами, а не вопросами защиты прав отдельных граждан. Относительно положения «отдельных лиц в рамках международного права» устанавливалось лишь то, что «они являются объектами права наций» [14, с. 15]. По сути, получалось, что вопросы защиты прав человека, несмотря на существование Деклараций о правах человека и гражданина, практически оставались в ведении национальной юрисдикции каждого суверенного государства. В данном случае, согласно принципу международного права, практически утверждалось, что единственным истцом международного права являлось само государство, но не частное лицо. Отдельные вопросы прав человека (главным образом – прав религиозных меньшинств) включались до Первой мировой войны, например, в двусторонние и многосторонние договоры. В настоящее время, на основании Декларации, приняты два *обязательных* договора: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

В таком случае, может быть стоит рассуждать не о том, кто является субъектом права, а обратить особое внимание на проблему, что факт защиты прав человека не должен рассматриваться *только в рамках национальных юрисдикций* отдельных суверенных государств. Последствия такого принципа очевидны. Современное международное право в

области прав человека представляет собой общепринятые государствами международные *стандарты* прежде всего для национального права. По сути, сформулированные в Декларациях, общие принципы европейского права хотя и имеют непосредственное отношение к правам человека и гражданина, в целом же носят *рекомендательный*, а не *императивный* характер, соответственно, в большей степени рассматриваются как *источник обычных норм* международного права.

IV

В генезисе исторического развития мировое сообщество пришло к осознанию того, что правовое государство, в рамках которого осуществляется практика организации политической власти и реализуется принцип обеспечения прав и свобод человека и гражданина, является одним из существенных достижений человеческой цивилизации. Однако, как показывает исторический опыт и практика социальной жизни, ни правовая организация политической власти, основанная на верховенстве законности, прав и свобод человека и гражданина; ни право «само по себе», ставшее венцом культурного развития цивилизаций; ни либеральные ценности, могучее средство обеспечения свободы, равенства и братства; не способствуют *внутреннему* единству общества. В конце XIX в. отечественный мыслитель П. Новгородцев писал, что «правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни», и, что утверждения «одних отвлеченных начал равенства и свободы» [15, с. 20, 17] недостаточно для установления общественной гармонии. Исторический опыт это доказал.

Понятно, что современные принципы и технологический подход в правотворчестве формируют новое правовое поле для исследований области права и правоприменения. Конечно, они далеки от классических форм, когда законы и институты общественной жизни считались существовавшими от века, когда законодательство сводилось лишь к попыткам зафиксировать и сделать известным уже существующий закон, который неизменно воспринимался как данный, когда вообще сама идея о том, что закон может быть создан людьми, была чужда мышлению народов. Однако современная практика международного развития свидетельствует о необходимости возрождения столь актуального раздела знаний – философии права, которая по существу является альтернативой позитивистскому представлению о праве силы и принуждения. С практической точки зрения человеку необходимо знать, что философия права – это прежде всего знание о том, что является правом, а что

таким не является, по каким признакам его можно узнать, и каковы его конечные цели и основы. Познание права и правовой реальности необходимо не только для того чтобы знать, «что такое есть право» как принуждение, но и для того, чтобы просто знать, что есть на самом деле *осознание права как принципа и нормы личности, т.е. философское обоснование социальной роли права.*

И поскольку в жизни, в практической её реализации, человеку не обойтись без философии не только в процессе познания смысла жизни, но и изучения проблем и смысла права, постольку только философия может очертить границы между сферой права и сферами морали, политики и экономики. По сути, философия права сегодня может сориентировать человека на систему философского знания, которое опосредованно самой философией, в контексте которой отражаются все смыслы социальной жизни. Общеизвестным является то,

что в общественном пространстве позитивный порядок осуществляется путём установления границ правомерного поведения граждан, соответственно, и знание человека о праве ассоциируется лишь со знанием того, что право есть порядок, регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе. На самом деле, знание о том, что право есть ещё и норма, соответствующая интересам личности, в решении её социальных задач, может помочь в реализации творческой самоорганизации человека в правовом поле, когда он сможет не просто знать, что такое право, но сможет грамотно сориентироваться ещё и в юридической практике. Практически – знание о том, что право есть норма и принцип личности – соответствует принципу, сформулированному отечественным философом В. Соловьёвым: *права на достойное человеческое существование*, который сегодня вполне можно признать в качестве *национальной идеи.*

Список литературы:

1. Рикёр П. Справедливое. М.: ГНОЗИС; ЛОГОС, 2005.
2. Кацапова И.А. Межкультурный смысл этико-юридического принципа П. Рикёра «Я-сам как другой» // Польш Рикёр: Человек – общество – цивилизация. М.: КАНОН+, 2015. С. 338-363.
3. Кацапова И.А. История и современность: о дискуссии между Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьёвым // Философские науки. 2012. № 3. С. 40-52.
4. Марк ванн Хук. Право как коммуникация. СПб., 2012. 288 с.
5. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Теория права и государства. М.: 2008. С. 330.
7. Кацапова И.А. Философия права в публичном пространстве // Философия и культура. 2013. № 12(72). С. 1797-1811.
8. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008.
9. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007.
10. Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008.
11. Дворкин Р. О правах всерьёз. М.: РОССПЭН, 2004.
12. Хайек Ф.А. Право, Законодательство, свобода. М.: ИРИСЭН, 2006.
13. Щапов А. Соч. Т. 3. СПб., 1908.
14. Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). М.: Права человека, 1997.
15. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, её происхождение и судьба. СПб.: 1999.

References (transliteration):

1. Riker P. Spravedlivoe. M.: GNOZIS; LOGOS, 2005.
2. Katsapova I.A. Mezhdul'turnyi smysl etiko-yuridicheskogo printsipa P. Rikera «Ya-sam kak drugoi» // Pol' Riker: Chelovek – obshchestvo – tsivilizatsiya. M.: KANON+, 2015. S. 338-363.
3. Katsapova I.A. Istoriya i sovremennost': o diskussii mezhdru B.N. Chicherinym i V.S. Solov'evym // Filosofskie nauki. 2012. № 3. S. 40-52.
4. Mark vann Khuk. Pravo kak kommunikatsiya. SPb., 2012. 288 s.
5. Novgorodtsev P.I. Nравstvennyi idealizm v filosofii prava // Problemy idealizma. M., 1902.
6. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya // Il'in I.A. Teoriya prava i gosudarstva. M., 2008.
7. Katsapova I.A. Filosofiya prava v publichnom prostranstve // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 12(72). S. 1797-1811.
8. Leist O.E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M., 2008.
9. Khart G.L.A. Ponyatie prava. SPb., 2007.
10. Leoni B. Svoboda i zakon. M.: IRISEN, 2008.
11. Dvorkin R. O pravakh vser'ez. M.: ROSSPEN, 2004.
12. Khaiek F.A. Pravo, Zakonodatel'stvo, svoboda. M.: IRISEN, 2006.
13. Shchapov A. Soch. T. 3. SPb., 1908.
14. Dzenis M., Kei R., Bredli E. Evropeiskoe pravo v oblasti prav cheloveka (Praktika i kommentarii). M.: Prava cheloveka, 1997.
15. Novgorodtsev P.I. Istoricheskaya shkola yuristov, ee proiskhozhdenie i sud'ba. SPb., 1999.